

ТОВАРНЯК

* * *

Та девочка, что по полям блуждала,
Букеты собирала в перелесках
И не боялась встретить в дальних чащах
Ни зверя, ни дурного человека;
Та девочка, что в пасмурную пору,
Когда не разберёшь, весна иль осень,
Бродила по заглохшей колее
В семье дегтярных верб и краснотала
И разбивала серое стекло
Над лункой чёрного лесного чая,
Настоянного на трухе древесной,
На ржавых листьях, на осоке мёртвой, —
Та девочка за счастье почитала
Езду ночную на товарняках!..
...На страшных, на безлюдных перегонах
Хлестал в лицо сырой болотный воздух,
Вдруг на откосе чёрная казарма
Вставала на мгновенье, и опять —
Осинник, заживо гниющий в топях,
Смолистый и больничный выдох мари,
И запах шпал, пропитанных мазутом,
И вечный привкус гари и железа...
И втягивали бабочек и мошек
Потоки воздуха, разъятые составом,
И редко-редко на речной долине (излучке)
Мелькал огонь рыбацкого костра...
Там, вдалеке от грохота и бега,
Жил нежный бархат с пробчатой корою,
И чёрные жемчужинки черёмух
Всё увеличивались. Хлюпали коряги,
И слаще мёда, молока и хлеба,
Изнемогая, пахли все покосы...
И скудно освещённый полустанок
В одну минуту мимо пробежал,
И там, за складом, между фонарями
Был театрально выглядевший сад...
И холодало... Закопчённый тамбур
Был весь в железом пахнущей росе,
И холодали жесткие косицы
Волос, хлеставших долго по щекам...

Та девочка считала, что бессмертной
Она пребудет, что по виду счастье —
Как зарево над центром областным...

Жизнь! Помнишь, помнишь!?. Это я была...

* * *

Светло от снега в комнате моей,
Светло от дум, суровых и печальных.
Так расстели листы бумаг крахмальных
И дальних призови к себе гостей.
Ты помнишь пар, валивший из избы?
Там прежний мох меж брёвнами остался.
Там труд электриков, влезавших на столбы,
Геройским и таинственным казался.
Был госпиталь за дамбой, и в пыли
Ветеринарный пункт лежал в истоме.
Фигуры марсианские вдали

Воздвиглись —

Вышки на запретной зоне.
Куда ты дела то, что мир давал:
Старушких юбок вечную немаркость,
Мазут на плахах раскалённых шпал
И похорон чудовищную яркость?
Неужто позабыть посмеешь их,
Стоящих на перронах в непогоду,
С толчёною картошкой с огорода,
Да с ландышем с разъездов дождевых?!
От ландышей, от капель их, сейчас
Вкус на губах, на сердце вкус горчайший...
Гляди, гляди! — уж двадцать восемь раз
Ты обошла вокруг звезды ближайшей!

* * *

Мой верстак — долгий кухонный стол
Вытирала я ночью воскресной,
И приёмник — отец радиол —
Вспомнил послевоенные песни.
После долгой войны рождена,
Словно сверстниц своих обнимала,
В круг их призрачный заключена,
Так же помнила всё, так же знала,
Как тепло нашей дивной печи,
В сковородке сухую картошку,
Керосинную лампу в ночи,
На сукне — меловую дорожку...
Там под однообразное пенье
Нашей швейной машинки стальной
Наша бабушка тратила зренье,
Чтоб мы бедными были не столь.
Чтоб как люди мы были одеты,
Чтоб скопить хоть немного рублей
На мальчишечьи полуштилеты
Для прабабушки робкой моей.
Чтобы я, обувая сандалии

И приплясывая невпопад,
Распевала, как в чуждые дали
Перелётные птицы летят...
И пока так далёко звучало
Наше мужество и торжество —
Я стояла, верстак вытирала...
Сколько капель я стёрла с него!

* * *

Древесную стружку напомнил мне дым.
Все старые вещи приветить я рада...
Ни свет ни заря домоседам моим —
Хозяйство да печь, огород да ограда.

Но всё ошутимее кружит земля,
И ноженьки пуще болят в непогоды:
Голодные годы, война и семья...
Семья, и война, и голодные годы.

Как нынче немного им надо, двоим!..
Кукушкины слёзки затмили поляны...
От всех-то лесов дровосекам моим —
Теперь скипидар да настой валерьяны.

Курлычут колодцы, горят небеса,
Возы ли осенние мучают гравий,
Моей ли родни выцветают глаза
Со всех фотографий, со всех фотографии —

Всё верно. Уже и хлопот полон рот,
И соль мне глаза близорукие режет...
Ребёнок мой спит. И пришёл мой черёд
Зарю мою, бабушку Анну, утешить...

* * *

Геологу Борису Сухих

Костров твоих столько сгорело в тайге,
И столько годов разошлось горьким дымом,
Что, видно, отплакала я по тебе,
Прошедший мой праздник, мой первый любимый...
Вовек оправдания мы не найдём
Ни в нынешней жизни, ни в жизни грядущей...
Давай, старина, хоть добром помянем
Тот воздух счастливый из той, предыдущей...
Я знаю — хотя я и знать не хочу! —
Ты тень мою топчешь и в выпивке топишь...
А я по-девчоночьи жалко кричу:

Ты помнишь, как было? Ты помнишь, ты помнишь?
О господи боже, какой же ты был!..
Был немногословный, бывалый, надёжный...
Ты диким жасмином совсем завалил
Настил в нашей первой палатке таёжной.
А на Сихотэ помнишь ты Уджаки?
Как стыдно меня в М-1 укачало!..
А к бочкам солярки, к шесту у реки
Вся партия мимо лабаза бежала...
И ты, загорелый, по воздуху плыл,
В сиреновой этой рубашке родимой,
Глазами си-ре-не-вы-ми обхватил,
Такой бородатый, и русский, и дымный...
...Мы шли полосатой от тени тропой,
И тут-то вдохнул нас и жадно и жарко
Из лиственниц рубленый дом вековой —
Недавно натопленная камералка.
Окошко и стол с образцами пород,
И карта участка на кальке вощёной,
А на телогрейке у печки поёт
Другого щенёнка обнявший щенёнок...
...И энцефалитку, и твой карабин,
И спальник, и сумку твою полевую,
И то, что один непохож на один
Сапог — все любила я напропалую.
И тех, кто себя называли — «бичи» —
Народ и прожжённый и невероятный...
Кто первый мой хлеб, испечённый в печи,
Собакам скормил, но смолчал деликатно.
А помнишь, как голод нас всех изнурял,
Страшило пожаров больших приближеньё?
Но ты, на канавы идя, оставлял
Цветы на пути моего продвиженья...
Как помню на сопочке аэродром!
Канавы и взрывы, и псов, и пожоги,
И страшный горельник, и рододендрон
На склоне, и наши привалы в дороге...
Туманы, и в баньке при свечке мытьё...
Какой же была я просторной и вольной!..
И баста! Дальнейшее наше житьё —
Мне больно — не помню! Не помню — мне больно!..

* * *

Не унимается... Томит и гонит
Тоска по открыванию земель...
Мне кажется — я родилась в вагоне,
И что вагон — и был мне колыбель.

Не вспомнить дом, отринутый семейством,
Во веки вечные не вспомнить лик отцов...

Но помню — что Сибирь... Красноармейцы
Нам со стоянки принесли жарков...

Забыла годы школьного ученья,
Но те поездки на районный смотр!
Глухой рассвет... Вагон без освещения...
Как птичий сад, запел наш детский хор.

О годы странствий, прожитые рано!
Я возвращалась. Подступал Байкал,
А инвалид из горького баяна
Плач о маньчжурских сопках выпускал.

И в душу мою яростною вспышкой
Возлюбленная родина вошла,
И плакала я тяжело и неслышно,
Откинувшись туда, где тень была...

А самый древний, самый деревянный,
Узкоколейкой шёл на всех парах
Во глубь тайги, где был мой друг желанный,
Вагон как церковь — свечи в фонарях.

Он черемшою пах, махрою грубой,
Резиной, пропотевшей изнутри...
Там ехали путейцы, лесорубы,
Геологи, солдаты, косари...

И знала я — покуда жить я чаю,
И жив земли жасминовый венец,
Вагон — он мне жалельщик и качальщик,
И песельник, как будто он — отец...

ПРОЩАНИЕ С ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ

Болота уснувшего всхлип,
Жасмин на далёких покосах,
Замшелых шлагбаумов скрип,
И вереск, и дым на откосах...
Мерцающий свет деревень
И воздух, в низинах лиловый...
Вся в каплях речная сирень
И дождевики рыболовов...
Дикарская юность, постой
Со мной у ограды забытой!
Твоей оперённой стрелой
Сто раз моё сердце пробито...
Ночные деревья, родня,
Усадьбы, столбы и скамейки,
Кто ходит тут вместо меня
По рельсине узкоколейки?

И чей наступает черёд
На лодке скользить через реку?
Кто нынче молиться идёт
В районную библиотеку?!
Ах слушайте звоны в столбе,
Ступайте на рыбную ловлю,
А я постаревшей себе
«Не плачь, моя девочка», молвлю.
...Какой невозможной красе
Всем слухом и зреньем внимаю...
Все звуки и запахи все —
Целую вас и обнимаю!

* * *

За какие грехи в меня вбито пространство?
В этом тихом краю на излучине дня
Захлестнёт сумасшедшей волной океанской —
Это Дальний Восток населяет меня...

Никуда мне не деться от этой напасти
Всех проток, и саранок, и просек лесных...
И стоит во мне дым леспромхозов и пасек,
И затмил меня грохот составов ночных.

Я бы рада обнять этот город прекрасный,
Где приветлива и благосклонна родня...
Только над сихотинской грядой бесстрастной
Вертолётник геологов носит меня.

И в душе моей битой, но верящей в чудо,
Как в распадке туман, собирается грусть:
Это плачет во мне тот, которому худо,
Тот, которому снова сегодня я снюсь...

* * *

В двухъярусных лесах, возвращённых человеком,
В скрипучем корабле дано мне нынче плыть,
На местных поездах летать по лесосекам
И, словно под столом, в глуби лесов ходить.
А по ночам глядеть на небо как на диво
И наблюдать в печи биение огня...
Как странно я живу... И так неторопливо,
Как будто Вечность есть в запасе у меня!..
Я вижу вольных псов внимательные взоры
И страждущих старух покорные глаза.
Я замечаю, что тесовые заборы
Изданы дождём, горячим, как слеза.
И, видимо, к письму в окно стучится птица,

За рамою цветы стоят, едва дыша...
И если даже то не сбудется, что мнится, —
Я знаю, будет жизнь всё так же хороша!..
Читательница книг, взгляни, моя утеха,
Как в этой стороне в кострах дымит ботва...
Когда-то там жила собака-пустобреха,
И лаяла она на звёзды и дрова.

* * *

А я попросила бы тихо судьбу
Всего об одном одолженьи...
Не нажито золота, а серебру
В кудрях — не сыскать примененья;
Бесхитростен мой деревянный чертог,
И нет в нём посуды хрустальных,
Рабочее место моё — чурбачок
Пред печкою, где умывальник.
Я многих детей не смогу народить —
Единственной род свой восполню.
О многих краях не смогу говорить:
Я Дальний Восток слишком помню.
Так вот... Я хотела бы... После... Потом,
Когда подойдут мои сроки, —
За мной перевозчик пусть ладит паром,
Но только — на Дальнем Востоке!
Уж чем — я не знаю — придётся мне стать,
А всё же — с роднёй и природой!..
Там реченьке нашей вольно отражать
Речную сирень со смородой...
И пусть водокачка качает всегда
На школы и станцию воду...
Перроном, где вечно стоят поезда,
Прошло полдержавы народу.
А там, за рекой — что болотищ и роц!
Тайга поднимается круто...
Смотри, перевозчик, смотри, водогребщик,
Пожалуйста, не перепутай...

* * *

По всем усадьбам дым от мусорных костров,
Оркестры духовые по радио играют...
Мне стыдно умножать количество стихов,
Которых земляки от века не читают.

Мне нечего сказать про наш пчелосовхоз,
А про склады угля, что за депо, — тем боле...
Ты никогда мой труд не принимал всерьёз,
Меня почти забывший одноклассник Толя!

Я знаю, правда — там, где труд, где мой народ
И во субботу, в день ненастный работает,
И ходит в магазин, и сажит огород,
И телевизор так упорно созерцает...

...И пусть я не напарник в рыбалке и косьбе,
Но мы с тобой душевно можем покалякать...
И, милый, мне дано заплакать о тебе,
А ты-то обо мне умеешь ли заплакать?!

* * *

Отверху до низу, от глинистых ветров
До солнечного на горе погоста,
От старой бани — до коровьих троп,
До низких, заболоченных покосов —
Люблю.

Закроют сени на засов, —
Уже давно хозяин занедужил.
Подтянут на ночь гирьку у часов,
На тихой плитке разогреют ужин...

Вот и накормлен развесёлый пёс
Остатками растительных продуктов.
Так отдаленно, будто бы со звёзд,
Отговорил наивный репродуктор.

Плыви, мой деревянный, тихий флот,
По глинистой, сухой, взрыхлённой почве.
Как старый капитан ночных широт,
Телеграфистка бодрствует на почте.

Из дальних, из заоблачных краёв
Что напишу на клетчатом листочке?
Что нынче посадила я морковь,
Махровый мак посеяла для дочки...

* * *

Как больно появляться мне
Перед родным лицом несмелым,
В дому, где листик на окне
Накрыт стаканом запотелым.
Где, оскудевшие к весне,
В подполье овощи хранятся,
Где с неживыми на стене
Мы продолжаем обниматься.
И всем-то, мёртвым и живым,

Я попадаю в поле зренья,
Не знающая, чей за чьим
У родственников дни рожденья...
А умывальник в этот дом
Так странно время отпускает,
И я не помню, что почём
Тут в магазинах покупают...
Я знаю, взыщется с меня
За чёрную неблагодарность
И буду подыхать, кляня
Свою болтливость и бездарность.
...Но пусть любимая моя,
Чьи очи старостью залиты,
Решит, что наконец-то я
И счастлива и знаменита.

* * *

На корке над бездной подзолов и глин,
Средь окаменелого леса,
Меж этих людских бесконечных лавин
Возьму, подержусь за железо...
Оно утешает меня простотой
И сдержанной мощью покоя.
Хватило бы силы остаться собой,
Связавшись, громада, с тобою.
Тут и семена, чтобы в землю попасть,
В полёте друг с дружкой пластались...
Хватило бы совести не забывать
Ту почву, где корни остались!
Там денно и ночью составы идут,
Там шлак и кипрей по откосам,
И весело, переходя виадук,
Попасть в тёплый пар паровоза...
Там воздух сияющий тише течёт
Близ бедных, изношенных нервов,
Там каждой копейке ведётся учёт
В хозяйстве у пенсионеров.
Я робкая, гордость держу как копьё —
Но как старомодно оружие!..
Как мне сочетать простодушье своё
И, город, твоё равнодушье?
Как будто в больнице, глотаю молчком
Твой выдох, зевок твой гигантский,
Я с нюхом звериным, с волшебным зрачком,
С хребтом своим сильным крестьянским.
Хватило бы сил — не оставить копыя
И воздух дарёный не хаять...
Вольфрамовой нитью судьбина моя,
Закрученная, полыхает...

* * *

Весь день разъезжает вокруг наших мест
Гроза на телеге порожней,
И столько деревьев столпилось окрест,
Что книгу читать невозможно.
На радость мне эта обитель дана,
Где травы растут сквозь ступени.
И можно часами следить у окна,
Роман положив на колени,
Как ливни находят волна за волной,
И тихо душа моя ахнет,
Что в этих лесах всё равно как в парной
Распаренным веником пахнет...
И то, что я вечно одна и одна
Не повод для горькой кручины.
Я счастлива — и молода и вольна —
Пребуду до самой кончины.
Так слушай людей и живи меж людей
Мудра, как Царевна-лягушка...
О птицах, собирающих пух тополей
Невзрослая молвит подружка-
Уже одуванчиков день ото дня
Что мыльных шаров на полянках...
Так жалко, что песни поют без меня
Родные на дружных гулянках!

* * *

О Марина, в древесной золе
Мне напомнил тебя уголёк...
Помнишь, на костоломной земле
Вал стекла омывал куполок?..

Помнишь детскую сказку о не
Прекратившей рубашку вязать
Из крапивы, молчком, на огне,
Лишь бы братиков расколдовать?

Так же все неприкаянна высь.
Так же непроницаема твердь.
Так же неисчерпаема жизнь.
Так же непостигаема смерть.

Так же неутоляема страсть.
Так же непререкаема власть.
И всё время склоняет пропасть
Кулинарно-стиральная снасть...

Мир верёвками издавна пах.

Он от глаз и слезы не отряс,
Но в чудовищной силы алмаз
Оценил грибоедовский прах...

Так же тяжело глаза мои жжёт
В граде, где тебя не погребли,
На асфальте накатанный лёд
Над задохшейся прорвой земли.

* * *

Тонкий месяц и снег, тонкий месяц, извечно родимый...
День рожденья отпраздную, выглотав ковшик воды ледяной.
Там, в ограде, бельё подпирая, обломок жердины
Всё скрежещет, как некая баба с печально известной ногой.

Хоть шаром покати — ни цветов, ни пиров беззаботных...
Только дыма печного прозрачный над крышей букет.
Но зато я прославлена среди беспризорных животных
И по почте поздравлена с днём появления на свет.

И хоть милый мой занят занятъем своим, к сожаленью,
И друзья, несомненно, упомнить всех памятных дат не могли,
Но какие морозы ударили в честь моего дня рожденья,
Что за шумные игрища в галочьих рощах прошли!

Всю-то зимушку дею сложение и вычитанье
Ослепительных слов... А глаголами «жить» и «любить»
Я сегодня закончу своё небольшое посланье
К той учительке милой, меня захотевшей родить...

* * *

Такой свободе вручена,
Аж воздух свищет около —
Что, разведённая жена,
Что, мать одинокая?..
Не тяжело ли ей без пут,
В гульбе не закружится ли,
Легко ль, отбросив дамский труд,
Вершить дела мужицкие?..
Вдохну я воздух глубоко:
Спасибо, что не связана...
Не смею молвить, что легко,
Но вольно как, но сладостно...
Мне лучше не глядеть назад:
Больным дитём, изведавшим
Кухонный чад, стиральный яд, —
Душа глядит из ветоши.
Там страх, и бедность, и мороз,
Больничная испарина...

Всё прочее — дешевле слёз
И проще репы пареной.
Вниманьем белый свет объяв,
Услышу зов неистовый —
Стих как диктант, как телеграф, —
Лишь, будь добра, записывай
Без роздыху.

Придёт черёд —
Откормишься и выплещешься,
И, как учительша, сойдёт
Ужо успокоительша.

Стребёт всё то, что напишу:
На что ты жизнь угробила?!.
По-бабьи плакала, скажу,
Но по-мужицки робила.

ВОСЛЕД БЕЖАВШЕМУ

Всё сбудется. И в лютой зной
Древесной сени не промыслишь...
Уже сокрылось над тобой
Вот это небо, в свиток свившись.

Как справедливо платит высь
За все измены век от века!
Хлебай, хлебай, не подавись,
В берегах кисельных мёд и млеко.

Труди и горло и живот,
Покуда сил тебе достанет...
Сей град, сей мир — переживёт.
О, проживёт и не вспомнит!

Себя перехитрил хитрец,
А был на лучшее пригоден.
Чем обольщаешься, глупец?
Ты как мертвец теперь свободен.

Без памяти, как без стыда,
Без речи, без лица, без тени —
Мальчишка, графоман, балда,
Шибчей чеши к едрене фене.

* * *

Какая сила колдовала
Над чёрным зеркалом зрачков?
Всё отрочество пребывала
В плену у книг и облаков.

Носила бедное тряпьё,
Стиральным мылом в бане мылась,
И всё стеснялась, всё дичилась
И тело горбила своё.

Вдоль этой кирзовой страны
Шёл путь железный, исполинский...
Как счастливы бывали мы
Во дни зарплаты материнской!..

Ни горный дух меня не спас,
Ни лес, ни облачные звенья,
Коль столько раз, о столько раз
Я грохалась с небес на землю.

Но, отплевавшись от золы,
Избавясь от болотной ряски,
Я отмечала, что целы
Мои голосовые связки.

И, между тем как всё больнѣй
Мой дух о твердь стальную бился, —
От раза к разу всё прямой
Мой позвоночник становился.

И, расправляя свою стать,
Теперь могу себе позволить —
Не воздыхать, но — воевать:
Горланить, говорить, глаголить.

* * *

В природе уж давно готовилась весна,
И электричеством от нас всю шибало...
Я вспомнила: я в честь княгини названа,
Что с Игорем на тризне пиновала.

К поджаристым снегам шепотьями приправы
Всё подсыпал Сосновый гостеприимный Бор,
Мой сумрачный земляк машиной молча правил,
И пёс облокотился, тоскуя, на забор.

Товарищ мой, ты знаешь тоннелей мёртвый запах
И по столбам глубинный высоковольтный гуд.
Подробнее меня ты помнишь, как на запад
Нечётными путями товарняки идут.

От городов и весей окраины великой
Мы — хмурых добровольцев бесчисленная рать...
Вольно же волком выть, вольно же горе мыкать,

Чтоб над родимой речью от счастья обмирать.

Ещё придет весна и хрустали расколет,
Ещё слоистый воздух возьмется танцевать.
Вон певчему тебе — несладко жить в неволе,
А слаще ль мне о волю скулы обдирать?

А легче ли сам-друг брести по белу свету
И от тоски по близким душам помирать?
Молчи, товарищ мой, ещё придут победы —
Не всё-то нам, княгиням, на тризнах пировать!

ВОСПОМИНАНИЕ О ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ СТАНЦИИ ВИРА

Который год блуждаю в той земле,
Где шиферные крыши остывают,
Где уж с трудом в иголку нить вдевают
И зябнут даже в лето на дворе.

Я по железным проношусь мостам
В посёлок на ветрах и на оврагах,
И тихо плачу, как вода в корягах,
И кланяюсь протокам и звездам.

Вот магазин сельпо и детский дом
На площади, где братская могила...
О, это здесь я босиком ходила
И рисовала на земле гвоздём.

А к станции сходилась иван-чай,
Печенье «хворост» стряпали в буфете.
Я мыслила прославить отчий край
Стихом и прозой в областной газете...

Уже кого любила — позабыла,
А твердо помню крышу, и забор,
И тротуар. И в самом центре мира —
Пчелосовхоз, лесхоз да конный двор...

Встань, старая, прелестная моя,
За шторками на рыболовных лесках.
Зачем я сквозь ресницы на тебя
Смотрю, словно сквозь мокрый перелесок?

Вон и картофель во поле цветёт,
И радио поёт, и день воскресный,
А в небесах заиндевелый крестик —
Летит и улетает самолёт.

* * *

Деду моему, Андрею

Я на свете холодном, на свете жестоком,
Где достаточно грузов подъемлю,
Ослабела от слёз по родном и далёком,
Незаметно сошедшем под землю.

По-собачьи скулю, и лицо закрываю,
И кусаю кофтёнки изнанку...
Ах ты батюшки, что это я вспоминаю
Берег речки, консервную банку,

И срезанье талы, и срубанье лесины,
На руке его тёмной букашку,
И сутулую старую милую спину,
И фуфайку его, и рубашку.

И валежину нашу в лесу за болотом,
И следы его перед собою,
И в дырявом ведре дымокур под заплотом,
И его с топором иль пилою.

Свои детские в карих порезах колени,
Низкий день слюдяной непогожий,
Сеновал, тёмный дождик, и чистые сени,
И его же, его же, его же...

Все стропила, воздетые им, уцелели,
Все деревья колеблют верхушки,
А он словно ребёнок лежит в колыбели,
И древесные стружки в подушке.

Обихожены и долговечны колодцы,
Печи все горячи и недымны,
А он, смертный, с подземною влагой сольётся
И смешается с глиной родимой.

Все часы, им излаженные, продолжают
Тем, живущим, Показывать время...
Он воспрянет растением и не признает
Человечье горчайшее племя.

* * *

Вздымаюсь я по лестницам,
Гляжу с недоумением —
Легко живётся сверстницам
С их бедным птичьим пением.

С их громким щебетанием,

Хорошим воспитанием,
Со сдержанным страданием,
Степенным увяданием...

Без выражения пройду
Вдоль модного пошиву.
Тут не до жиру — рот сведу —
Тут быть бы духу живу.

Пускай щебечут за спиной.
Пусть смотрят настороженно...
Вернусь со сборища домой —
Окошки заморожены...

Пусть некому расправить уст,
Пусть некому жалеть-беречь,
Я словно к мамоньке приткнусь
К тебе в плечо, родная речь.

ЧИТАЯ «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Что мне шумит, что мне звенит
Издали рано пред зорями?
Думаю, что я среди вас
Места немного займу...
Нескольких бед хватит с лихвой,
Чтоб стало сердце разорвано,
Нескольких сот чистых листов
Хватит с лихвой одному...
Нам ли ещё злобу ковать,
Плесть друг о друге напрасное,
Коли и так каждому дней
Недостаёт на веку?
До дурноты доведена
Междуусобными распрями...
Впору в гортань пальцы совать —
Истинно, братья, реку...

КАТЕРИНА

Так страшно в потёмках.
А. Н. Островский. «Гроза»

I

Ничего я не смыслю в науках пустых...
Тут столбами вода по колодезям.
К холодам под кувалдой дождей проливных
Все волнухи во мхи заколотятся.

Край находит на край. Велики вечера,
И нигде ни огня и ни голосу,
Да на глинах пустых гулеванят ветра
Тоньше нитки, невидимей волосу.

Бессловесные дети по зыбкам не спят,
Сука брякает цепью привязанной...
Как же это понять: «приумножить талант»,
Как в Священном Писании сказано?

Спать да спать без ног, без тяжёлых рук,
Снявши на ночь колечко венчальное...
Всё-то белый цветок или выпавший зуб
К нехорошему снятся, к печальному...

Как же смутно спать, как же томно жить
Даже и в воскресенье пресветлое!
То ль подол загнуть, стыд заворотить,
То ль постом морить тело смертное?

И ничто не поможет моей голове,
Не смягчит моё сердце железное:
Ни король во Литве, и ни царь на Москве,
И ни сусло, ни масло древесное.

II

Что, острожница, полюбовница,
Где твоя душа благолепная?!
То-то сходится и расходится
Стража строгая, стража крепкая.

Серых щей хлебать богомоленки
Ходят к нам, блажные, ослеплые,
А на белой заре ровно молоньи —
У солдатиков ружья светлые...

Я, в одежды одетая смутные,
Всё вникаю в рассказы старинные,
Как гуляют жёны беспутные,
Сиротают дети невинные...

И я мыслю под взорами гневными,
Когда мы садимся за общий стол:
Вот бы, словно водица из невода,
Этот дом со мной — да в окно ушёл!

Зеленей зелёного бархата
И черней воронья воронёного,
Как же сладко на воле распахнута
Влага свежая, неполонённая!..

Жалко только дитя неразумное,
Слабосильное, неподсудное,
Что, не кошено и не рожено,
На колени мне было положено.

* * *

Нет, я не хотела бы смиренно сидеть,
Тем более — быть в ученицах...
Я с детства горазда на солнце смотреть
Сквозь искры цветные в ресницах.

Зелёное небо люблю и полынь,
И знаки «Нельзя!» и «Опасно!»,
И лес, и глаза всех зверей и зверинь,
И дух рисовального масла.

Колючую, шумную, дикую кровь,
Купе, чердаки и каюты,
И облачный, низкий, лоскутный покров,
Под коим душе так уютно.

И ёлку, и праздник Победы, и дни
Рожденья, и детское пенье,
И тех, кто не стоит любви, и огни,
И водных столбов преломленья...

Я знаю, добывшая столько чудес,
В пучину душа моя канет,
Как будто, пустясь в атлантический рейс,
На айсберг наткнется «Титаник»...

Но воздух, но воздух, пропахший навек
Опилками, дымом и садом!..
Да здравствует, здравствует, здравствует снег,
Где доченькин след отпечатан!

* * *

Откуда знаю, как играло солнце
На масленицу в низеньком окне,
Как мельтешил в столбе поток пылинок
И нагревался кованый сундук?..
Там сматывали гарусную шерсть.

Откуда помню тёмные портьеры,
Прабабушкины ботики в передней,
И то, как на ночь бромовые капли
Она пила, далёкая, родная?

Откуда ведаю: глубокой, тёплой пылью
Затянут след проехавших обозов?
Всё вишенье везут возами в город...
И если не мои, то чьи там пальцы
Скрещённых рук над круглым животом?

От чьей недавно стиранной кофтёнки
Столь дивно пахнет щёлоком и ветром?..
Как будто я стояла на дороге,
Сокрывши щиколотки нежной пылью,
За много лет до своего рожденья!

Откуда чую горницу и сени,
Ядрёное, безропотное тело,
И этого, родимого, хмельного,
Обидчика, гуляку, грамотея?

Откуда вижу внутренность подполья
И чугунок рассыпанных картошек,
И на пороге в облаке морозном
В гимназии учившуюся Ньюру?..

Прабабушка, сибирская крестьянка,
Носившая диковинное имя
Перепетуя, и красавец прадед
Так славно наречённый: Елизар!
И род восстал на род, и брат на брата,
И рать на рать ходила в дымном поле,
И птиц железных в небесах не счесть...
О Елизар, и ты, Перепетуя,
Зарыты вы у разных океанов —
Поближе к Ледовитому — мужчина,
А женщина у Тихого легла...
Но как же странно мне, далекой крови,
Услышать голос предыдущей жизни,
Отзоревавшей на прошедшей почве,
В прошедшем воздухе, среди людей прошедших...

* * *

Тут времечко мчит, ровно вихорь кружит:
В Москву, из Москвы — мельтешусь почём зря...
Анна моя Елизаровна, безмерное моё зарево,
Прости, что тебя не поздравила
Девятого сентября!
Все стали всё же в достатке жить,
В кримпленах родня сойдётся гулять,
В прихожей станут обувь снимать.
Салаты крошить да стол раздвигать.
Рассядутся, примутся шутки шутить,
Жилое-былое начнут ворошить,

И деда Андрея вином поминать...
И станут тебя, расходясь, целовать,
Стараясь помадами не замарать...
Анна моя Елизаровна, дрожащее моё зарево,
Прости, что тебя не поздравила
Девятого сентября!
Как девушка ты меж большими стоишь,
Моими глазами на всех глядишь...
Не плакай! Мне век вдалеке вековать.
Пока я буду праведно жить, —
Дотоле буду стихи слагать...

* * *

Хватит умствовать, хватит угрюмствовать, спи,
Печь закрыв и накинув крючок...
Лучше волосы завтра свои подруби,
Чтобы вышел пушистый кружок.

Ты и так всё молчком, ты и так всё молчком,
Так что более сердцу невмочь!
Видишь, грузным девичьим проходит шажком
Твоя милая, милая дочь.

Ты и так уж себя пригнела, как валун
Бочку яблок в подполье ужал...
Ненадѣвана, никнет — крыло на полу —
В Туркестане дарёная шаль.

Жизнь пройдёт своим грозным неспешным шажком,
В чём и будет, бесспорно, права.
Видишь, в печке, белёной зубным порошком,
Золотые сгорели дрова.

Ты ответчица, что ли, какая за всех,
Растворяющих праздно свой рот?
И постыл смехотворный печатный успех,
И так страшно, что скажет народ.
(И ни слова не слышит народ).

* * *

Я знаю заготпункт в Вире за магазином...
Туда сдают смороду, картоху иль кролей —
Потом берут, раздвинув мальчишеские спины,
Припасы для рыбацких, охотницких страстей...

Храни тебя господь от шику и от блеску
Столичного!.. Но всё же не шибко, впрочем, робь:
Подуешь на блесну, навьёшь на палец леску,

Лафитничком, возможно, тебе отмерят дробь...

И, гоголем пройдясь по Верхнему посёлку,
За скудость прейскуранта сельпо не осуждай:
Как терпеливый конь идёт, сбивая холку, —
Так тянет груз державы провинциальный край.

Опора и любовь — кругом тайга родная...
Запомни, за спиной твоей стоит народ,
Охотничий, рыбацкий закон не нарушая,
Хоть не в пример столицам непышно ест и пьёт...

Чего там говорить! Тайгой натетишь душу...
Но прежде охолонь на лавке у ворот.
Внедрилась по наличник во глубь земли избушка —
Гут вековая бабушка Читанова живёт!

* * *

Я трачу жизнь последнюю мою,
А там, как дети, за руки взялися
В провинции, как будто бы в раю,
Анастасия, Анна и Анфиса.

Глядишь — и старость будет тут как тут,
Болезни ходят по земле покатою...
О милые, все ждут они и ждут,
Что стану я счастливой и богатой.

Я вижу сквозь чудовищную землю,
Как дома, у сиротского огня
Одна читает, а другая дремлет,
А третья всё гадает про меня.

Про то, что жизнь моя как полынья,
Про то, что на исходе мои силы...
Простите, если можете, меня!
Давно простили. Уж давно простили...

* * *

Любезнейшие спутники мои!
Арбузом и бензином пахнул воздух,
И самолёты, как большие рыбы,
Всё тыкались в стекло аэропорта...
Я в Красноярске маленькой была,
Мечтала пожениться с капитаном,
Как вырасту...

  Какое всё же счастье —
В гостиницах ночные чаепитья,

И в снежной ванне чистая вода
Зелёноватая,
                    и тёплая постель,
А ночью сладкий ветер с Енисея...
В речном училище айда читать стихи!

По Енисею движутся буксиры,
И баржа — как плавучая тюрьма...
Невесело тут всё же было ссыльным...

Простит дежурная нам наши прегрешенья, —
Я спрячу, схичу чайник для заварки —
В бессоннице ночуем, как в остроге...

Ещё Хабаровск встанет под крылом.
Там тьма, метель, военные оркестры...
А поутру под сумасшедшим небом
Оттаявшею глиной пахнет воздух...

Я Ваше имя не могу сказать.
Я Вам и в мыслях «ты» не говорила,
Сопутешественник...
                    Но, если захотите,
Потом Вас подожду у райских врат,
У проходной, где пропусков бюро;
Иль Вы меня у этих врат дождитесь...

Мы встретимся свободно и легко,
Как облака встречаются зимою.
Скажу: «Стихи — мура и барахло,
Душа от них вся, поглядите, в шрамах...»

Рассеянно посмотрите.
                    Ужели
Когда-то мы летели над землею
С восхода на закат
                    и дул навстречу
Огромный ветер от движения Земли?!

* * *

Насилу зари дождалась — чтобы жить,
Любимые книги листала...
Не больно, Володя, что нам уходить,
А больно, что этих не стало.

Как быстро моя постарела рука,
Стал взор невесёлый догадлив...
Не жалко, Володя, что жизнь коротка,
А жаль, что язык неподатлив.

Я губы не раз прикушу до крови,
Скитаясь по белому свету...
Не страшно, Володя, что нету любви,
А страшно — товарища нету,

Когда я раздумаюсь, похолодев,
Средь ночи земной необъятной,
Какой же в земле догорает посев —
И дивный и невероятный!..

* * *

Когда мы гуляли с Алёшей из школы слепых
По голому саду, где птицы клевали ранетки, —
Повсюду торчали корявые, ржавые ветки,
И я всё боялась, чтоб он не наткнулся на них...
Валялись ранетки на талой бесцветной траве,
И мы с удовольствием эти ранетки съедали,
А самые крупные мальчику мы отдавали,
Когда мы гуляли втроём голова к голове.
И нас обнимал безмятежный и ласковый свет,
И воздух пронзал, и куда-то собака бежала...
И пела душа моя тёмная, и ликовала,
Как будто и мне было тоже одиннадцать лет.
Как будто и не был мне на плечи взвален мой дом,
Семья и работа и с молодостью расставанье...
Как будто бы я не имела понятия о том,
Что воздух редакций невольно стесняет дыханье.
И милый Алёша с лицом беззащитным своим,
В казённом пальтишке, пропахшем столовской едою,
Отмечен был раннею мудростью и добротой,
И стыдно мне было пред бедным и маленьким им.
...Мы с ним говорили о времени, скором как дым,
О прочных постройках, что некогда здесь возвышались,
И мельком — о детях, что зреньем своим похвалялись,
И с ним не играли, и вечно смеялись над ним...

* * *

Мне страшно, что вольная стая
Подхватит меня на бегу,
И девочку не воспитаю,
И маму позвать не смогу.

Утратится связность и целость,
Крыла опадут за спиной,
И в легких одна драгоценность
Останется — воздух земной.

И в сфере небесной пространной

Во все остальные века
Бесформенной и безымянной
Я буду, как все облака.

Мне страшно, что в мире жестоком
Всё вынеся, всё претерпя,
Я вдруг пропаду ненароком
И не наглажусь на тебя.

* * *

Чья-то девочка радостно шла босиком,
Мимо дамбы прогнали коров...
Вот и свиделась я со своим стариком,
И во сне он был жив и здоров.
Меж других мужиков не пьяней, не трезвей
В магазинчике встрял у дверей.
Только стал он красивей, прямей и грустней,
Только стали глаза озорней...
Только взгляда его я никак не пойму...
Как же странно с ним рядом стоять!
«Что же, деданька?» — я улыбнулась ему
И его не решилась обнять.
«Что же, деданька, дай, я тебе помогу
Иль консерву какую куплю»...
И проснулась, и слёз удержать не могу
Оттого, что так сильно люблю...
Никого. Только сажа печная летит
В пышный снег на садовом столе.
Только солнце сквозь ясень стеклянный глядит
На вишневой заре в январе.
О бродяжья душа старика моего,
Ты пришла сюда издалека.
Но какая родная рука у него,
Но какая родная рука!
Это кто разрешил мне свиданье с душой,
Это что так тоскует и мрёт?
Что за милая птаха поёт надо мной,
Что за нежная птаха поёт?..

* * *

Душа моя, игралище ветров,
Вдруг, запыхавшись, на меня взглянула,
И долее обычного глядела,
Меня застигнув бледной, молодой,
С зелёными счастливыми глазами,
В расцвете грозových и лучших лет...

О подожди же! Не листай так быстро...

Дай нагляжусь на моментальный снимок!
Да, это я. В глазах любовь и тайна.
И тает снег. И тёплый дом. И книги.
И от жаровни всходит смольный запах.
А за спиной притихнувший любимый
Стоит с моим распятым пальцем.

* * *

Я счастлива так никогда не была меж людей.
Душа, как ребёнок, шагала к тебе вперевалку...
Я гряды копала. Найдя хладнокровных червей,
Сажала их в банку с землёю — тебе на рыбалку.

Мы в Праздник Победы глядели балеты воды —
Там, в Парке культуры, осыпанном водною пудрой...
Как птицы, в руках головами вертели цветы,
Бил бубен, и аккордеон отливал перламутром.

В толпе танцевали спасители нашей земли,
На память снимались, и плакали, и целовались,
И за руки брались, как будто навеки прощались,
И долго выдерживать это глаза не могли.

Твой батя лежит в плодородной кубанской земле.
В цвет сини вечерней покрасим его пирамидку.
В цвет лётчицкой формы покрасим его пирамидку,
И в честь него выйдем рыбачить на ранней заре.

Спасибо всем плавням и этим степным хуторам,
Полям, где под солнцем играет и пляшет сурепка!
Не с этих ли лодок, не с велосипедных ли рам
Ты — мальчик: сатин шаровар, да вельветка, да кепка?

Мне любо, что в старости ты будешь дерзок и прям.
Мне весело знать, что покой твой сердечный зависит,
К примеру, от этих ужасных футбольных программ,
Особенно если играет «Динамо» (Тбилиси)...

* * *

Прощай. Мне не велено дальше с тобой.
Мне в город, мне в каменный ящик.
Мой бедный, мой маленький, мой горевой,
Мой дом, мой смущённо глядящий...

Мой кровный! До боли живое жильё...
Ты вечно дышал мне в затылок.
А праздники наши! — с морозу бельё
Моих сногшибательных стирок!..

А помнишь ли запахи — дым дровяной,
Дух ёлки, и книжный, старинный...
Дух трав, поразвешенных над головой,
И взрыв кожуры апельсиновой...

А помнишь, когда я болела, в мороз
Синицы клевали рябину, —
Художник, до смерти промёрзнувший, внёс
Те, в масле, с задворок, картину, —

Твой лучший портрет. Как мне горло свело.
Как дерево, молвлю повинно:
Всё то, что так тесно меня облекло,
Всё стало моей сердцевиной!

Мой преданный, разве же может так быть, —
Не вспомнят такого от веку, —
Чтоб целыми сутками слёзы точить
По дому, как по человеку.

Стой, терем, в безлюдном проезде Лесном,
Пусть огонь твой сквозь ветки маячит...
...Вот так, ненаглядный и праздничный дом,
По милой по младости плачут...

* * *

*Памяти боевых кораблей
Черноморской эскадры,
затопленных в Цемесской бухте
в 1918 году*

Над лазурными водами
Свод небес ослепительный...
О эсминец «Пронзительный»,
Миноносец «Стремительный»...
На веранде решётчатой
Абрикос в пальцах греючи, —
Как на выстрел — на шёпот чей? —
Лоскутков ваших реющих
Обернусь. И не дам слезе
Заслонить зренья дивный груз.
«Погибаю, — в эскадре всё
Флаги плещут, — но не сдаюсь!»...
И в ушах — этот долгий залп,
И в глазах — этот водный столб,
И рука: сквозь загар — штурвал —
Бескозыркой отёрла лоб...
Моё дело в лото играть,
Соль морскую с волос смывать

Да краснеть ввиду кителя —
Каб не плач удивительный:
«О эсминец «Пронзительный»,
Миноносец «Стремительный»...»
Взяты в недра бессветные,
В дикой бездне оглохшие,
Вы, железные, бедные,
Ровно дети утопшие.
А кому я свой плач скажу?
Нет отвёрстых для слуха дыр.
Я в сиротстве таком живу,
Что, должно, обрету весь мир.
Опершись на мостках сырых
О спасательный дряхлый круг,
Прошепчу я свой первый стих
В твой, о море, гигантский слух:
«Дай и жить и пропасть в борьбе,
Чтобы, пробуя кровь на вкус,
«Погиба...» — прохрипеть судьбе
И, чуть тише, — «но не сдаюсь!»

* * *

Я вышла к прожектору. Над бирюзой
Лишь флаги да чайки блистали...
Я целую жизнь прожила на морской
Заставе. На горной заставе.
Табачную дымную розу волне
Воздушной
        дала — и забыла...
По нашей скале на прошедшей войне
В упор артиллерия била.
Сколь раз создавала я бедный уют! —
Норд-остом весь тюль изорвало...
Мужик! Я в разлуках тельняшку твою
Так нюхала и целовала!..
Всё плац, и белёные стены, и сад,
И флаг, и учебные классы...
Всю жизнь мою к вышкам уходит наряд...
Всё запах карболки и ваксы...
Каких стали в армию брать огольцов!
Что дети — солдатики наши...
Мужик, а твоё дорогое лицо
С годами становится краше...
Ах, тем, кто живёт, по тщете не скорбя,
Людские пусты разговоры.
Я думала — замуж иду за тебя,
А вышла — за море, за горы...

* * *

Валентине Сидоренко

Товарка моя по судьбине и по ремеслу!
В Москве обитаю, как во глубине океана...
А ты-то, а ты-то, царевна моя Несмеяна,
Глядишь с Ангары через тысячеверстную мглу.

Я бабьего жалкого лепета страсть не люблю.
Царапаю краткие письма, как курица лапой.
Но ты-то ведь видишь меня, как и я тебя зрю —
Какой там к шутам вдохновенной! — свирепой, патлатой...

О, как многодетная мать при стирке белья,
И как санитарка, объятая смертной отвагой,
И как гулеванка, спустившая всё до копыя, —
Такие мы есть по ночам пред честною бумагой!

У вас — нет! — у нас! — скоро выйдет в лугах черемша,
Пойдёт на покосах расти валерьяновый корень...
В единой-то боли душе отзовется душа.
Единым трудом свои сельские руки неволим!

Товарка моя, это нам с тобой стыд и укор,
Что в наших гнездовьях доньне — где густо, где пусто...
Добро, что выходим мы на всероссийский простор,
И чувство народа затмило любовные чувства.

У нас телевизоров больше, чем дойных коров,
И много транзисторов — да не сыскать гармониста.
И так-то сведён санитарною вырубкой чисто
Кедровый лесочек, который был чист и здоров!

Как поле картохи, возделывай времени пласт!
Даст бог, и напишем, и на ноги деток поставим.
И нам, словно в школе, сурово отметки раздаст
Высокий учитель наш, Виктор Петрович Астафьев...

* * *

Пенял мне мой критик, что речь тяжела,
Мол, нет европейской культуры словесной...
Я тоже в Москву в лапоточках пришла
За рыбным обозом из дали безвестной!..
Страна, я печаль от печали твоей,
И паром взойду в океан твой воздушный,
Но я не желаю меж этих людей
Слыть недальновидною и простодушной.
Я слышу: хребтина державы гудит
В труде неоглядном и невероятном...
Ах батюшки-светы, как жадно следит
Провинция наша за словом печатным!

Я знаю свой край, я люблю свою речь.
Пеньки корчевать иль землю лелеять,
Иль избу рубить, иль семейство беречь
У нас основательно всё же умеют...
Дай бог, чтобы ты был бы так же здоров
И так основателен, критик мой пряткий,
Но людям не надобно мыльных шаров
Заместо буханки и энцефалитки!..
Когда б ты у нас побывал-поживал,
Топориком бы поиграл, порыбалил,
Молчал, да ребёнка сам-друг подымал —
Возможно, мне тяжесть в укор бы не ставил...

* * *

Вешнего пала возлюбленный дым!
Дымной волной полонило
Внутренность «скорого», рвущего в Крым...
Милая! Ошеломила!..

Я-то влекла на холмах золотых
Грузного сердца усталость...
Тысячу лет в колыбелях твоих —
Рвущихся с рельс! — не качалась.

Радость! Деревья пустилися в пляс,
Гнёзда грачиные зреют...
Только осины — светлей моих глаз,
Все остальные — темнее...

Зависть моя! На разъездах глухих
К вечеру топятся печки.
Встали с постелей своих ледяных
Освобождённые речки.

Милая, эти поленницы дров,
Эти твои полустанки!..
Вздетые на частоколы дворов
Эти стеклянные банки!

Чёрные гроздья грачей ввечеру,
Месяц над лесом укромный.
Баба с граблями, белье на ветру,
Гусь одинокий на брёвнах.

Шпалы, дорожника жёлтый жилет.
Грубо-дегтярный товарный.
Этот счастливо-оранжевый свет
В угольных рамах казармы.

И, вдохновеньем весны обуян,

Некий малец мокроносый,
Словно зверька, выпускает в бурьян
Красный огонь на откосы.

Пшёл, вороны!.. Кочевия звёзд...
Утром, лишь очи откроем —
Взмост к лицу, как нашедшийся пёс,
Ветер в полях под Джанкоем...

Милая! Знаешь, что продыху нет
В каторжной, бабьей, острожной... —
Как в малолетстве — гостинцев пакет —
Воздух железнодорожный!

* * *

Радость моя, Буреинский хребет!
В детстве игрушкой был дедов рубанок.
А драгоценность девических лет —
Дальневосточные звёзды рыбалок.

На Никите, за висячим мостом,
Деда червей накопает, бывало,
И в палестины свои пред дождём,
Тронемся по промазученным шпалам...

Электростанция вдаль отойдёт,
Будет тупик, полоненный ромашкой,
Станет нам реже встречаться народ
В робах мазутных, во влажных рубашках.

Мост Никитинский скорей перейти! —
Вечный мой ужас: вдруг поезд наскочит! —
Встречь с папироской — обходчик пути,
Дале — дрезина ремонтных рабочих.

Гром к нам грядёт. Видишь, связанный лес
Прёт товарняк, разогретый движеньем.
Солнечный луч, бьющий наперерез,
Заворожил нас своим мельтешеньем.

Вот и Биры уж совсем не видать.
Сплошь по болотине — ирис чернильный.
Стал, напевая, всё шибче шагать
Деда мой родный, весёлый, двужильный.

С кочки на кочку сигай, не робей!
Сильно как парит на мари брусничной...
Вот по плечам всё теплей и нежней
Дождичек лиственный и земляничный.

У озера на кустах разыму
Плащ из аптечной ребячьей клеёнки,
Мне от дождя хорониться, ему —
Нетерпеливо разматывать донки.

О, миллиард светлых капель летит,
С маху прохладную зелень целуя,
Что же так листик листку говорит
Словно горяю, о словно горяю?..

Деда, кровинка и крепость моя,
Выдь, покажись из резучей осоки!
Что ж по спине-то твоей в два ручья
Льют, как крыла, дождевые потоки?

Деда, «На сопках Маньчжурии» вальс —
Это портрет твой, сжимающий горло...
Ты на гольцах бурейских сейчас?
В тучах? В холодных водах Халхин-Гола?..

* * *

Ночами просила, валясь в забытьё,
А тут стала днями твердить:
«Спаси, сохрани, и помилуй её,
И дай ей ещё пожить!»

Беда ли какая свилась над тобой,
Болезнь ли к тебе подошла?..
Что ж в плаче заходится так надо мной
И пальцы ломает душа?

А там ненаглядная прямо встаёт
К штaketнику лёгких ворот,
И, чудится, смотрит на облачный град,
Откуда нейдут назад...

Зеркальное солнце, снижайся сильнее:
Отапливать легче жильё...
Грей слабые косточки ясной моей
И старое тело её...

О вспомни сияние дней восковых,
Стаканчики ранних рассад...
И пар от завалин идёт земляных,
И петьки в усадьбах кричат.

Горелые кочки болота кругом,
И лес за протокой в дыму.
И хлебные крошки свои с молоком
Я жадно хлебаю в дому.

Ты помнишь, как наголо стригли меня,
И как я скулила в ночи.
И как мы глядели на блики огня
Тобой разожжённой печи?..

Ишают, измеркнут в округе снега,
И зорька сойдётся с зарей...
Голубка, что крестная сила стиха,
Когда моя жизнь не с тобой?..

ТОВАРНЯК

Анне Елизаровне Наумовой

I

Товарняк, товарняк,
Тепловозом по рельсам гонимый,
Тьму тоннелей пронзивший
И вздрагивающий в полях...
Это ты, товарняк,
Образ родины, горько любимой!
Это ты, моя жизнь...
Моя жизнь — это ты, товарняк.

С малолетства в работницах,
Сроду — ничья не обуза,
Всё привержена к этим
Дымам, и дождям, и огням, —
Так не ты ли, душа,
Облекаешь народные грузы
И несёшь их по свету
По чётным, нечётным путям?

Товарняк, товарняк,
Ты грохочешь под левую руку.
Так что в рай по путёвке
Направят меня или в Крым:
Ни сучка ни задоринки вроде,
Ни стуку ни грюку,
Но живёт во мне сей,
До рождения заданный ритм...

...Вы, орловский помещик,
Примите мои укоризны.
Ваш поступок дурён,
Хоть видна в нём российская ширь:
Это ж надо! За бунт —
К поселенческой замкнутой жизни

Всю деревню сослать
Из Орловской губернии в Сибирь!

Пусть хотя бы теперь, угнетатель,
Вам будет неловко:
«Лопотина сносилась;
Хлебнули мурцовки —
Окончился хлеб...
Тут чем хошь маракуй —
Лишь топор, да пила, да литовка...
Но, однако, и в ссылке
На пасху расцвёл курослеп».

Ухайдакался люд,
Робят семьями с зореньки белой,
Робят до смерти,
И до момента того далеко,
Когда бабочка молвит,
Взглянувши с улыбкой несмелой:
«Как же браво в Сибири-то
Пахнет, отец, молоко...»

...А повсюду урман,
Во скитах кержаки нелюбезны,
Лёд резун, весь иглистый,
Рассыпчатый на берегах...
Пахнет шаньгами...
Ходит уланом петух...
Дым отвесный —
Бабы к солновосходу
В Орловке
Всегда на ногах.

II

Елизар свет Иванов Клевцов,
Произросший в Орловке,
Деревенскую
Глупую скушную жизнь не любил.
Давши выход своей
Предприимчивости и сноровке,
Стал агентом компании «Зингер».
Деньжат накопил.

Жил в Хилке.
Перебрался в Читу.
Перевёз из деревни
В арендованный дом —
В городскую швырнул быстрину —
Мою бедную
Внукову Перепетую Андревну —

Свою пышную,
Ставшую оторопелой, жену.

Он завёл своё дело.
Открыл продуктовую лавку.
Заворачивал, резал.
Отвешивал, сыпал.
Считал.
Был собой недурён.
Обижал, в пьяном виде, прабабку.
И дитя своё, девочку Анну,
В гимназию гордо отдал.

Вот и названо имя.
Поспешное это творенье
Для тебя я задумала здесь,
В живописно-лазурной дали.
Я хотела бы знать, моя радость,
Какие деревья
Там, в Чите,
Когда ты проходила к ученью,
Росли...

Я хотела бы знать
Все игрушки твои, все оборки.
Ты любила варенье?
Боялась грозы и воды?
И какие собаки там были,
Какие задворки,
И какие на влажном песке
Оставляла следы...

«Не поморгуйте нами», «ярдань», «тюручѣк» —
Твоя мама
Говорила.
«Варнак», «сомуститель»...
«Кичиги» — звала Орион,
И — «подшалок», «куржак», «простокиша», «лонись» —
Моя Анна, —
«Морок», «крыльца», «шипипшник»...
Да разве что со словарѣм!..

Вижу чуть — так же лѣтчик
Сквозь облачные зрит разрывы —
Запотевшее зеркало, солнце,
Герань, кружева на окне,
С крепким чаем фамильным стакан,
Приложение к «Ниве», —
Что любила ты?
Ленты, ландрины,
Дюма, мулине?!

Обучайся шитью.
Ты ещё и не знаешь, родная,
Какую обнову
Приготовила жизнь...
Аж бечёвки пакета трещат!
...Я пишу тебе это в Крыму,
После страшного ветра ночного,
И перила балконные
Голые локти мои холодят.

Я люблю фотографию эту:
Подросток кудрявый,
Как сияет лицо твоё,
Столь незнакомое мне!
Справа — щёголь отец,
Слева — матушка гордою павой...
Ну а ты — в облаках, в полусне,
На воздушной волне...

Вы не знаете —
Скоро —
Развернется бездна сырая,
Застрекочат газеты
О первой войне мировой,
И опора, кормилец,
Защитник сибирского края,
Славный наш Елизар
Распростится навеки с семьёй...

Может, танком громоздким
Он был, как ботинком, раздавлен,
Может быть,
«Цеппелин»
Подхватил,
Как птенца, с вышины?..
Ни — к награде представлен,
Ни — газами немца отравлен, —
Просто без вести сгинул мужик
В тёмном чреве войны!

III

Товарняк, товарняк,
Увези всю беду от России,
Чтоб пророческий глас
Апокалипсиса не сбылся...
Я пишу, на столе —
Разноцветные камни морские,
И лежит на окошке
Сражённая мужем оса.

Посмотри, милый друг, —
И в названьях-то вышла рифмовка:
Вот какое приданое
Дадено было за мной —
Две деревни:
Вот это — Орловка,
А тут — Пименовка...
Две крестьянских руки
Сотворили мой герб родовой...

...Девятнадцать детей
Нарожала прабабка Акси́нья.
А в живых только семеро
Их и осталось у ней:
Анна — косыньки русы до пят,
Да с Авдотьей — Мария,
Киприан да Иван, Гавриил,
Да мой родной Андрей.

Вот оказия и омраченье! —
О самом своём о любимом
Говорю при посредстве
Всем миром издержанных слов.
А девчонкой, в неведеньи
Бедном своём да счастливом
Так мечтала о рати блестящей
Возвышенно-точных стихов!

Но изысканность сшибло
С того незабвенного разу,
Когда тётка Маруся,
Рвя душу мою пополам,
Мне сказала смиренную эту,
Сиротскую, страшную фразу:
«Оля,
Там, где мы поняли, —
Очень понравилось нам...»

...Так что дед мой, Наумов Андрей
Родился в Пименовке,
Где отец его, Фёдор Антонович,
Домом и садом владел,
Да таёжной землицы
Отбил на заимке
Путём раскорчёвки,
Да железо горячее
В кузне ковал, как хотел.

Вкруг заимки
Вишняк расплодился,
Год от году рясный,
Так что вишенья

В самый Курган
Хоть возами вози.
И был вырыт колодец
С такую водицей прекрасной:
«Чистый ключ!
Свежим холодом,
Язви ты в душу, разит!»

И — тайник подсудобил
Наш Фёдор-умелец
В заимку:
Потайная доска
В зеве русской дородной печи
Открывалась:
И — лаз в подземелье!
Играй в невидимку...
Глянь снаружи — одне углядишь
Закоптелые сплошь кирпичи!

Рос Андрей
С братьевьями да сёстрами!
Господи боже!
Год рожденья его —
Восемьсот девяносто шестой...
Из какой же ты дали глядишь,
Мой весёлый, пригожий!..
Дед порядочным вырос
На воле сорвиголовой.

IV

«Этот ранен». — «Убит».
«Этот ранен». — «Убит».
«Этот ранен...»
Бормотали колёса
Идущих на фронт поездов.
Моя милая Анна в Чите
С плеч сняла
Гимназический ранец.
Лавку продали.
Сильно боялись воров и долгов.

Дом дичал без хозяина.
Перепетуя Андревна
То молилась, то плакала.
Вещи взялась паковать...
И печальная Анна моя,
Аки в легкую ссылку — царевна,
Во деревню Орловку,
К Клевцовым отправилась жить-поживать.

...Долго ль, коротко,
Но ко вдове Елизара Клевцова
Стали свахи захаживать...
Та и решишь наконец:
Мол, Силантий Матвеевич —
Слова не скажешь худого! —
Он — завидная партия,
Хоть и при детях, вдовец.

А ещё через год
Ей, живущей в замужестве новом,
Присылает известье
Пришедший из плена солдат —
Там, на плохонькой самой,
На самой бумаге грошовой
Фигурирует город — Першталь?
И не вымолвишь даже! Пурштад?!

Заметалась, забилась.
Рванулась к тому очевидцу —
Все сошлось!
Тот, другой, с ним в плену —
Елизар.
Елизар!..
В лазарете оставшийся
Там, за германской границей,
Повторявший: «Как девочку, девочку жаль...»
Вот тебе и Пургшталь!

Как хочу я разбить
Подозренье чугунное это
И спросить напрямик,
Хоть вопрос мой
Недобр и тяжёл:
— Если жив ты остался
По выписке из лазарета,
Что ж дороги домой не нашёл?
А дружок-то из плена пришёл...

Товарняк, грохотни —
И не надо, не надо... так шибко...
Я на стол навалюсь,
Ко бумаге лицо приложу.
Жалко всех,
А жальчей всех тебя,
Моя детонька, доченька, рыбка,
Моя Настенька,
Коей я больше,
Чем жизнью своей, дорожу.

А тебя-то как жалко мне,
Перепетуя Андревна!

Как ты, яркая в младости,
Нюхала свой табачок...
Как, проворная, ты
Колготилась в трудах повседневных,
Как преставился — царство небесное! —
Этот, второй мужичок.

Вы нишкните, охульники бабьи,
Опричники вечные девьи!..
Язычищи поганые!
Кто-нибудь слёзыньки наши считал?
Что же с бабой нестарой,
Владыко небесный, поделать?..
А Василий Ипатович Меньшиков
Сильно её обожал!

Гли-ко ты, Перепетушка,
Сон тебе к радости снился!
Оказался мужик-то
Смирнен, тверёз да умён.
С малолетства батрачил.
Уж как там кажилился, бился, —
Дом «крестовый»
Срубил, двор покрыл,
И хозяйство большое завёл.

Станет лежень-сусед
Табакурить да оболокаться —
Поколь шель да шавель —
Наш и пашню забороновал...
Робил до смерти.
Стали к нему
Кой-какие
Деньжонки стекаться...
Преисправно —
Крутись, Перепетушка! —
Семью свою содержал.

.....

* * *

Я угрюма на людях.
Я вспыльчива, нетерпелива.
Так легко обвинять,
А попробуй простить и понять...
Я от детства застенчива.
Кроме того, я смешлива.
Ах, люблю щекотать и визжать...
По ступеням скакать...
Это, впрочем, не довод.
Сужу я неправо и скоро.

А не девочка:
Помню, который годочек идёт...
Это я как винтовка
Со щёлкнувшим звонко затвором...
Это совесть болит,
И — холера! — заснуть не даёт.
Вот послушайте,
Я предприму к объяснению попытку.
В этом амфитеатре,
Средь праздничных кущ кружевных
Мне приснилась сегодня
Моя одноклассница Лидка,
Так приснилась,
Как будто её уж не стало в живых.

О она-то
Изящной словесностью не занималась!
И собой заниматься
Не выпало времечка ей, —
Не закончила школу.
Во всех-то трудах наломалась.
Да пьянчуга мужик.
Да по лавочкам — трое детей.
С мужиком ли, одна ли —
Куда-то там завербовалась.
Воротилась:
Должно быть, родители
В землю легли.
Износилась, избилась.
Излаялась да изрыдалась.
И дошла, говорят...
Вынимали её из петли.
Ах ты, Лидка, ты, Лидка...
Я сроду с тобой не дружила,
И как дочку учительши,
Ты презирала меня.
Что ж стоишь предо мной?
Что же так-то меня окружила,
Неотступно в глаза
Сверх настольного смотришь огня?
Мне в живых
Или как поминать тебя?
Сон — в понедельник.
Если сможешь — держись,
А не сможешь — и тоже держись!..
Да, из этих любой
По сравненью с тобою — бездельник.
Вот, прости меня, господи,
Эта изящная жизнь!
Тут про модное спросят:
Мол, то или это читали?
Пророкочут — езжали, мол, неоднократно

В Париж...
А за всем этим: «Где вы достали, достали, достали?»
И лакейское это, нерусское это —
«Престиж».
Если б знала,
Как поистерзалось
Моё прямодушье
Незавправдашной жизнью
(Которой я, впрочем, живу!) —
«Ах вы знаете,
Я восхитительно вымылась в душе...»
«Вы не ели бизе?
Изумительно вкусное!..»
Тьфу!
Это я тут сижу, с моим сердцем,
Болящим и вялым.
Этот вздор, эту муть
Я прослушаю, окаменев.
Это я завернусь
Во фланелевое одеяло,
В окружении этих...
Эхма, терпентинных дерев...
...Раздражительность, резкость,
Придирчивость — всё это верно.
Но во мне сколько времени,
Точно заноза, горит
Вечный импульс тревоги.
Я думала — это от нервов...
Наконец поняла —
Это совесть, созревши, болит.

V

Этот труд мне —
Что в няньках при нескольких детях
Работа:
Молоко кипятить им —
Они норовят улизнуть поскорей...
Где вы, дети,
Герои мои,
Что остались на миг без присмотра?
Анна, где ты?
В Орловке пока.
А куда задевался Андрей?!

Он далёко,
В Маньчжурии,
Он на действительной службе.
На Харбин
По нагретейшей ветке
Состав за составом идёт.

И китайский купец,
В знак сердечной
К Наумову дружбы,
Приглашает Андрея
Отпраздновать с ним
Новый год.
Я не знаю, каков был купец —
Для меня он из теней бесплотных,
Но Андрею всегда
Равных не было
Средь остальных:
Он был
Мельник, столяр, и кузнец,
И плюс к этому плотник,
И отменный, должна подчеркнуть,
Мастер дел часовых.
Стало быть, у купца
В доме были
Часы неисправны,
И Андреев мундир задевали
Хозяйских халатов крыла...
В доме жарко,
И стол сервирован
Забавно, но славно,
И — змея на тарелке серебряной
В центре стола.

Всё идёт хорошо,
И хозяин,
Его чесночищем обдав, привечает,
И китайская водка,
Желтея
(Дрянной же напиток!),
Стоит...
А мой милый Андрей
На змею головою кивает:
«Не могу, — говорит, —
Это русский закон не велит».
...Помню я полутёмный вагон
И на Дальний Восток возвращенье.
И вошёл инвалид
За Байкалом:
Гармонь...
Градом слёзы из глаз...
И играл инвалид
И прощение мне и спасенье —
Этот — молодость деда!
«На сопках Маньчжурии» вальс...

...Светел месяц в высоком окне,
Новорожденный месяц,
Освяти мимоходом

Ты сей непосильный мой труд...
Во гражданской войне,
Темнотою короткой завесясь,
Из Кургана,
Сквозь тыл Колчака,
Наш Андрюша и Фёдор идут.
Царской армии унтер
Ты мой офицер!
С наслаждением
Снял шинель,
Хоть её,
Да ещё вот фуражку свою —
Уважал...
И стопы свои ставил теперь
Всё в одном направленьи,
А уж мобилизацию-то Колчака —
Ныне там-то и там-то видал!

Пленный Юзов-портной
Им одёжу спроворил в Кургане:
Вроде как с денщиком офицер —
Вышел с Федькой Андрей.
Днём лежали в стогу,
Ночью двинулись тайно, логами
И сигарки курить опасались
Во тьме обступивших полей.

Шли да шли беглецы,
В животах с голодухи бурчало.
К небу лица подымут —
Расширится сердце от звёзд.
«Много ль пройдено-то?» —
«Да, однако, уже и немало...»
А как ночь поредела —
Они и уперлись в разъезд.
Кони грязны.
Нерусские тёмные лица.
И зябко. И росно.
И — штыки наставляють,
Холеры,
Уже с высоты:
Дескать, стой, кто идёт?..
Тут Андрей и отвечает грозно:
«Полагаю, вопрос задаёт офицер,
Когда он проверяет посты!»

Отругал он татар,
Заплутавших в полях,
Указал им дорогу,
Коей двигаться дале
Разъезду сему надлежит.
Отошли не спеша.

А потом как мальчишки, ей-богу,
Припустили,
И каждый смеётся,
От хлада зубами стучит...

...Ты с инсультом уж был,
Я — в замужестве том несчастливом...
Я пришла посмотреть,
Деда мой, на тебя
И тайком покурить...
Как же глянул-то ты
Через силу,
Потерянно так и тоскливо:
«Износился, мол, доча,
Прости, не могу говорить...»

...Вы вбежали с дружкой
На заимку твою...
Облаками
Вишняки разгулялись...
Оконце... Огарок свечи...
И дрожащими от нетерпенья,
Чужими руками
Двинул с детства привычную,
Тайную доску в печи.

И ещё и в себя
Не успели прийти в подземельи
Ходит грудь ходуном,
В глотку влит кипяток,
Рвётся хрип... —
Так-то глухо,
Сквозь толщу земли,
Наконец вас доспели
Конский топот, и выстрелы,
И неразборчивый крик...

Вот сильней...
По стене по бревенчатой
Дверь хлобыстнула...
Взгрохотала скамья...
Застучали (прикладами!)
В печь —
Та и мускулом
В теле калёном
Не пошевельнула,
Тайнику хоть бы хны!
Чей-то вопль:
«А хоша и поджечь!..»

Скоро ль, нет ли, —
Колчаковцы отбушевали снаружи.

В закоптелом печном
Шебаршить перестали челе.
Напоили коней не спеша
И оправились тут же,
И ушли как пришли —
Конский топот затих по земле...

А когда наши вылезли,
Жмурясь от белого света, —
Как тут было сдержаться
И не запустить матерком...
«Хрен и с ихним дерьмом,
Всё одно ведь истлеет в траве-то.
Мать честная,
Но печку зачем искололи штыком?!»

VI

Эти строки —
Сибирским хозяйствам —
Посильная свечка.
А в роду моём
Всякий хозяин
Зажиточным был мужиком...
Мать честная,
За что пострадала
Кормилица — русская печка?
Всё я знаю,
Но печку
Зачем искололи штыком?!

Я-то думала, дед мой
По собственной воле
Шатался по свету!
Это ж сбиться с ума:
Пименовка,
Затем, в енисейской тайге —
Карабановка!
(Место глухое,
От Ачинска сто километров!) —
Дальше — около Бийска —
Посёлок Ануй...
И подолгу не жили нигде!

Дальше — больше.
Аяш — возле города Новосибирска,
Дальше — Любино около Омска,
И, слава те, господи, город Кузнецк!
Дальше — Дальний Восток,
И посёлочек милый мой Бирский.
Дальше — вдруг Красноярск

И Подтёсово
(Рядом совсем Енисейск).
А ещё ведь и Средняя Азия
Где-то в тридцатые годы:
Года два жили
Возле Ташкента,
В Чирчике
(Там рядом посёлок Кибрай).
А ещё отчебучили
В шестидесятые годы:
Из Кузнецка, уехав туда «насовсем»,
Воротились в Хабаровский край.

Как ещё в этих странствиях
Не растряли
Всех традиций!..
То-то в полках вагонных
Я чую домашний уют!
Как ещё в этих странствиях
Я ухитрилась родиться!
Моя мама — закончить
Учительский свой институт!
Этот бег по стране,
Станный бег —
За деревней —
Деревня..
А родни пименовско-орловской
Давно уж и в памяти нет.
Это ты, моя Меньшикова
Перепетуя Андревна
С своей дочерью Анною
Двадцать не виделась лет!!
.....

Больше я не могу
Сердце рвать себе
Этим вопросом.
Товарняк, хоть бы ты
Свои дымные дал мне крыла!
Я с тобою тогда полетела б
Над шлаком кипрейных откосов.
Я могу отдохнуть.
Я в рассказе нигде не врала.

VII

Видишь, свет яркий скрыт, —
Ярче крови, явившейся в ранке, —
Только пальцы сомкни,
И сквозь них
Посмотреть дай огню...

Как любила я
Россыпи пуговиц
Необычайных
В жестянке
И старательно карандашом
Обводила свою пятерню.

Ты всё детство светила
Столь ровно и столь неустанно,
А теперь об одном
Я прошу, засыпая:
«Живи!»
Видно, так и износишь
Не имя парадное «Анна»,
А домашнее:
«Нюра» да «Нюра»,
Как платья простые свои!

Кабы мне да пройти
По твоим по заросшим следочкам,
Видя этот волнистый венец,
Что над синью глубокой сиял...
Я не знаю, какой
Ты явилася миру
В семнадцать годочков,
Когда бравый Андрюша Наумов
Тебя из Орловки украл!

Но я знаю,
Какой ты была
Во болезнях, нужде, голодухе,
При своём беспокойном Андрее,
За смертью его наконец...
Вся — прямая, родная.
Ни тени в тебе от старухи —
Высочайший мой,
Недостижимый
Ты мой образец!

Помнишь, звездочка ясная,
Как ты семью обшивала,
Как за малую мзду
Шила платья, жакеты, пальто...
И ножная машинка
По имени «Зингер» стучала,
А когда отдыхала ты —
Так и не помнит никто!

Я на целую жизнь
Затвердила материй названья:
Креп-жоржет, маркизет,
Креп-сатин, файдешин, крепдешин,

И шифон, и панбархат,
И вот — из таинственных: майя...
Но соседки-то предпочитали им
Ситец, сукно да сатин.

Вот они, твои дни:
Растопила, сварила, накрыла,
Убрала, постирала, развесила,
С сумкой за хлебом пошла,
И опять — растопила,
Воды принесла, накормила,
С дедом дров попилила,
В библиотеку сходила,
Полила, прополола,
Нажала травы, огребла,
И опять — растопила,
А после — посуду помыла,
Свет включила, погладила,
Самую малость пошила,
После — грелку
С горячей водой принесла,
И растёрла как следует,
И потеплее укрыла —
Ну, гуляй не хочу! —
Тут и книгу раскрыла,
Раскрыла:
Так давно ожидала,
А ныне вот библиотекаря вдруг и дала!

Как живёшь ты без деда
В спокойном и ясном сиротстве?..
Хотя — что говорю! —
При тебе — твоих трое детей:
Фиса, Павел, Маруся...
Не занятой век
В производстве,
Горсобес ежемесячно
Шлёт тебе пенсию
В тридцать рублей!..
Говорю я с тобой,
А выходит что с воздухом,
С далью,
Там туман волокнист,
Станционные брезжут огни...
Я не знаю, как жить мне
С моею глубокой печалью,
А весна.
И порхают такие прелестные дни.

Знаешь, в детстве,
Когда на Чапаева¹□

---

¹□ Улица Чапаева на станции Бира Хабаровского края.

Крышу крыл деда,
Я внизу обреталась,
По щепке зажав в кулаки,
И случайно
Тот плотницкий
Страшный топор и задела,
Этим, вечно меня забавлявшим,
Как детка,
Мизинцем ноги...

То-то ужасу было,
Почти паровозного реву,
Когда вдруг на ноге,
На земле — алой лентою — кровь...
Это руки твои —
Хвать зелёного, сильно сырого —
Приложили, платком завязали:
«А ну-ка, а ну-ка, погодь...»

А потом, когда сняли мы
Пыльный платок осторожно —
Я узнала, что рана
Совсем и не страшной была...
«Этот лист — подорожник.
А ну-ка скажи —
Подорожник...»
С удовольствием я повторяла,
Вот «р» произнести не могла.
Может быть, и сейчас,
Когда нету, пожалуй, и слова,
Кое я не писала б,
Не знала, не произнесла, —
Ты сорвёшь мне такого...
Зелёного... сильно сырого
И приложишь к болящей душе,
Чтоб она
Хоть чуть-чуть зажила?!

VIII

«Не пиши ты о нём,
Не тревожь его бедную душу», —
Говорила с тревогой
Моя суеверная милая мать.
Я совсем хоть немного,
Хоть чуть — своё слово нарушу...
Знал ведь, как я любила
В следы его вечно ступать!

Оттого и таскал меня,
Словно кутёнка,

С собою:
В магазин ли,
На станцию,
К конюхам,
В пчелосовхоз,
В пункт
(За дамбою)
Ветеринарный,
На водокачку,
К Забою,
Называл меня «походень»
(Значит, репей)
И понятней: мой хвост.

Я совала свой нос
И в фуганки его,
И в рубанки,
Проверяла —
Большой или малый напил
На продольной пиле?
Он — дюймовку пилить, —
Я тащу карандашик и планку.
Он — забор городить, —
Я ему дымокур жгу в ведре.

Ах ты, солнце моё
Незакатное...
Вспомню — заплачу,
Сапоги его мокрые,
Ярко-сырые кусты...
Он мой деда, ценил,
Видно, преданность эту щенячью,
И когда мы шагали в лесах —
Он срывал и давал мне цветы.
Так и вижу — в лесах, —
Ослепившее очи мне
Детство.
Вечно стригли меня —
С золотушной беда головой!
Ну и жрали меня
Комариные тьмы
С малолетства,
Дед Андрей,
На бесчисленных наших
Рыбалках с тобой!
А однажды зимою,
Когда рыл в ограде колодец,
Ты приполз на руках
И упал за порог
Чуть живой:
Оступился со стенок
В земную глубокую прорезь...

Долго бабушка маялась после
С твоей повреждённой ногой.

Как любила глядеть —
Снизу вверх! —
На тебя
За домашней работой,
Починял ли часы,
Вздевши лупу на лоб,
Иль пимы подшивал,
Или дратву смолил,
Иль в жестянке —
А там-то, а там-то всего то!.. —
Либо грузило,
Либо крючок,
Либо леску
Неспешно искал.

И ещё!
В нашем пахнущем
Чаем и перцем буфете
Ты заветный кулёк свой
По-детски ревниво скрывал,
И конфетки бедняцкие эти,
«Подушечки» «голые» эти,
Вожделенно, блаженно
Украдкой за щёку совал...

Или песенник ты доставал,
Раскрывал наудачу, —
А до «Стёжек-дорожек» дойдёшь,
До любимого до своего, —
Каждый раз повторялось:
Как ты запоёшь —
Я заплачу...
Ты поёшь,
А я плачу,
Не зная сама отчего...

Вот о чём
Говорила мне мать!
Я пишу, а из глаз моих льётся!..
А уже перед тем,
Как хватил тебя этот удар,
Говоришь:
«Ты купи-ка мне, доча,
В сельпе продаётся
Эко сладко,
Хотя и недёшево,
Красно вино «Солнцедар»...»

Не могу продолжать о тебе,

Мой товарищ сердечный,
Оттого, что мне частые слёзы
Всё зренье пожгли...
Вот ты,
Деда Андрей, и упал
В эту прорезь
Земную навечно,
И все стёжки-дорожки,
Где мы проходили,
Высокой травой заросли.

IX

Товарняк мой,
Состав мой
Прошёл пред тобою,
Читатель,
Враз последний вагон
Прогремит —
Вот и вся
Недолга...
Стало быть, остаётся
Анфиса Андревна,
Моя терпеливая мать,
И отец мой,
Которого я обозначу, —
Корчагин Г. А.

Зелен сумрак вагона.
Луч в зеркале
Светлом настенном.
На зелёном, на ярком,
Оранжевых много —
«Жарки»...
За Читой, на Песчанке —
Стоянка;
Какой-то военный
Не спускал меня всё
Почему-то
С своей незнакомой руки.

Моя матушка,
Мне ль берeditь
Твои позараставшие раны...
Это всё,
Что имею сказать об отце.
Я ему не судья.
Дед и баба мои!
Я от вас родилась и от мамы...
Вы вспоили,
Вскормили,

И образовали меня!

Чем владею!..

Не властью — смешно!

Не имуществом отчим, —

Только имя —

Кольцо из темнеющего серебра...

Мне фамилию с отчеством

Дал незадачливый отчим.

Мать из «Повести лет временных»

От княгини мне имя взяла!

А пятнадцать годочков назад

Отыскала тебе я имя —

Средь Сихотэ (ударенье запомни!)

Алинской тайги...

И твоё —

Настася! —

Рифмуется с целым —

Расея!

И об этом

Ты, доча моя,

Позабыть не моги!

11 -20 апреля 1983 года,

Ялта